

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Р.Н. АБРАМОВ

АКАДЕМИЧЕСКАЯ АВТОНОМИЯ НА СЛУЖБЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ¹

Тема статьи — доминирующая позиция интеллектуалов в публичной сфере и роль в этом академической автономии. Академическая автономия рассматривается как ресурс легитимации власти интеллектуалов, а также средство для защиты их социальных позиций. В России трансформация академической автономии связана с изменением позиции интеллектуалов. Статья представляет собой теоретический обзор с привлечением широкого круга российских и зарубежных источников.

Ключевые слова: интеллектуалы, академическая автономия, публичная сфера, эксперты, университеты

В социологии интеллектуалов неизменно подчеркивается связь представителей этой группы с академическим полем. Ссылаясь на понятие А. Вебера «свободно парящая интеллигенция» («freischwebend»), К. Манхейм ставит вопрос о сложном социальном генезисе интеллектуалов, полагая образование почти единственным объединяющим критерием этой группы: «Причастность к одной и той же сфере образованности все более вытесняет различия по рождению, сословию, профессии и имущественному положению, объединяя отдельных образованных людей именно под знаком этой образованности» [20, с. 133]. Наличие такой образованности или, другими словами, когнитивной власти, формирует основу для гегемонии интеллектуалов в объяснении общественных и политических процессов. По мнению американского исследователя Х. Гольдмана, суть механизма

Абрамов Роман Николаевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов ГУ-ВШЭ, старший научный сотрудник Института социологии РАН. **Адрес:** 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, стр. 5.

Электронная почта: roman_na@mail.ru.

¹ Индивидуальный исследовательский проект № 09-01-0029 «Академическая автономия и административные процедуры в современном российском университете: исследование на примере ГУ-ВШЭ» выполнен при поддержке программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

экспертного доминирования интеллектуалов немецкий социолог раскрыл раньше, чем это сделал А. Грамши, и задолго до М. Фуко [37].

Австрийский экономист и социолог Й. Шумпетер относился к интеллектуалам с подозрением, отводя им немалую роль в раскачивании лодки общественной стабильности. Интеллектуалы для Й. Шумпетера — образованные парии, получившие университетскую подготовку, но не имеющие возможности или желания включаться в систему капиталистического производства. Одновременно они склонны употребить свою академическую подготовку для враждебных высказываний в адрес сложившегося порядка, так как «от критики текста до критики общества путь короче, чем это может показаться» [31, с. 202]. Между тем Й. Шумпетер не считает, что любой индивид с университетским дипломом склонен встать на путь враждебного интеллектуала — большинство остаются «потенциальными интеллектуалами», если «не рассуждают письменно или устно о предметах, лежащих за пределами их профессиональной компетенции» [31, с. 203]. Впрочем, большинство представителей свободных профессий склонны к таким рассуждениям, тем более что быстрое развитие медиа способствует росту влияния критической позиции интеллектуалов.

Помимо юристов и журналистов, участники гуманитарного академического поля наилучшим образом соответствуют шумпетеровскому определению интеллектуала: интеллектуалы — это люди, владеющие устным и письменным словом, а от других людей, делающих то же самое, их отличает отсутствие прямой ответственности за практические дела. Вообще говоря, с этой чертой связана и другая, а именно отсутствие практических знаний, знаний, которые даются только личным опытом. Установка на критику, которая объясняется не только тем, что интеллектуал занимает положение наблюдателя (причем в большинстве случаев — стороннего), но и тем, что его главный шанс самоутвердиться состоит в его фактической или потенциальной способности досажать, добавляет к портрету интеллектуала третий штрих. Фактически Й. Шумпетер проводит символическую черту между позициями профессионалов и интеллектуалов: первые относят свои высказывания к сфере приложения их экспертного знания, а вторые используют профессиональный статус и образование в качестве ресурса для публичного выражения мнения по вопросам социального, экономического и политического характера.

Взгляд Т. Парсонса на отношения ролей публичного интеллектуала и члена академического сообщества перекликаются с дилеммой М. Вебера — как соблюсти баланс между правилом интеллектуальной честности и соблазном высказаться с кафедры политические оценочные суждения, даже в неявной форме — «заставляя говорить факты» [9, с. 720–721]. В своем эссе о призвании ученого М. Вебер лишь поставил вопрос об интеллектуальной позиции ученого, поручив его

решение нравственному выбору индивида. В ответ на веберовский теоретический вызов Т. Парсонс разработал теорию профессионализма, показательным примером которой стала академическая профессия, занятая не только производством и передачей специального знания, но также поддержкой ценностного образца профессионального комплекса [22]. Институциональные и ценностные подстройки академической роли позволяют интеллектуалам сохранять идентичность, соответствующую университетскому миру даже в условиях их активного вовлечения в систему массовых коммуникаций. Более того, Т. Парсонс и Дж. Платт [38, р. 267–282] оптимистичны относительно будущего академической культуры. Во-первых, по их мнению, происходит пролиферация научного видения на медиaprостранство, поскольку научные открытия занимают столь важное место в современном мире². Во-вторых, многие художественные и прикладные гуманитарные профессии (писатели, художники, журналисты) вовлекаются в орбиту университетского мира, самоорганизуясь по образцу свободных профессий. Итак, можно предположить, что в зыбком пространстве масс-медиа академия является для интеллектуалов убежищем и источником символического поля, не только обеспечивая им необходимый экспертный статус, но и легитимируя автономную позицию самого эксперта.

Мы будем считать интеллектуалами тех, кто аккумулировал необходимый символический капитал, находясь в профессиональном поле, и затем конвертировал этот капитал в публичной сфере. Символический капитал в данном случае означает признание коллег по профессиональному полю, достигнутую репутацию и крeденциалистский ресурс в виде научных степеней и званий³. Этот символический капитал является базовым по отношению к последующим его конвертациям в

² Этот взгляд на взаимоотношения медиа и науки, с одной стороны, сегодня кажется излишне оптимистичным, так как уже давно «физики» не являются главными медиагероями. С другой стороны, пролиферация научной экспертизы, очевидно, захватывает медиaprостранство, а наука становится новой формой секуляризированной магии, от которой массы ждут либо панацеи от всех болезней благодаря достижениям биотехнологий, либо апокалипсиса как результата запуска андронного коллайдера.

³ Как пишет П. Бурдьe: *Поле науки как система объективных отношений между достигнутыми (в предшествующей борьбе) позициями является местом (т. е. игровым пространством) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как техническая способность и — одновременно — как социальная власть, или, если угодно, монополия на научную компетенцию, понимаемую как социально признанная за определенным индивидом способность легитимно (т. е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки»* [8, с. 474].

публичной сфере. В большинстве случаев символический капитал, почерпнутый из профессионального поля, легче обращается в символический капитал медийного интеллектуала, нежели наоборот. Даже если такое и происходит, то с известными ограничениями институционального свойства: профессии склонны образовывать поля своей деятельности в значительной мере за счет системы барьеров, препятствующих новичкам и дилетантам проникнуть в их уголья. И если для гуманитарных и социальных наук довольно распространены случаи, когда первичный депозит в символическую репутацию делается на публичном поле (как это было с некоторыми лидерами майских событий 1968 г. во Франции), то для медицины и естественных научных дисциплин эти случаи столь редки, что являются лишним поводом признать главенство общего правила институциональной обособленности профессий. Да и биографии вожаков Сорбонны 1968 г. скорее подтверждают примат академического профессионального поля над публичным: студенческие протесты в немалой степени были связаны с эпистемическими трансформациями социальных наук и проходили под знаменами не только политических, но и теоретических идеологий, а будущие яппи французского научного истеблишмента в дальнейшем успешно сочетали карьеру профессора и публичного интеллектуала⁴. Такая дуальность обеспечивала устойчивость социального и профессионального положения интеллектуала перед лицом капризной медийной популярности. Инвестиции в академическое поле подобны размещению долгосрочных депозитов в надежном банке, а завоевание публичного поля напоминает рискованные игры с ценными бумагами на бирже. Надежность вложений в академическую репутацию в немалой степени гарантируется институциональным устройством этого пространства, где автономия является необходимым условием стабильности и предсказуемости.

⁴ Такого рода интеллектуалов М. Фуко называл «интеллектуалами-специалистами», хотя и несколько преувеличивал степень политизации этой социальной группы: *«Мне кажется, что такой тип интеллектуала-специалиста появился после Второй мировой войны. Возможно, им был физик-атомщик, назовем одно слово или скорее имя — Оппенгеймер, который послужил передаточным звеном между интеллектуалом-универсалом и интеллектуалом-специалистом. Как раз потому, что у него была прямая и локализованная связь с образованием и научным знанием, он выступал как физик-атомщик, однако, поскольку атомная угроза затрагивала целиком весь человеческий род и судьбы всего мира, его рассуждения в то же время имели возможность стать рассуждением о всеобщем. Опираясь на то негодование, которое охватывало весь мир, ученый-атомщик заставил служить ему свое особое положение в порядке знания»* [28, с. 200–201].

Один из известных примеров отсылки к академической автономии как постулированию независимости интеллектуалов — работа И. Канта «Спор факультетов»: «способность судить автономно, то есть свободно (сообразно с принципами мышления вообще), называют разумом. Стало быть, философский факультет, поскольку он обязан ручаться за истинность учений, которые он принимает или хотя бы допускает, должно мыслить как свободный, подчиненный только законодательству разума, а не законодательству правительства» [14, с. 78]. Академическая автономия и сегодня является неотъемлемым элементом академической идеологии. Например, Федеральный закон определяет академическую свободу так: «Педагогическим работникам из числа профессорско-преподавательского состава, научным работникам и студентам высшего учебного заведения предоставляются академические свободы, в том числе свобода педагогического работника высшего учебного заведения излагать учебный предмет по своему усмотрению, выбирать темы для научных исследований и проводить их своими методами, а также свобода студента получать знания согласно своим склонностям и потребностям» [27].

Есть и современные философские трактовки академической автономии, отражающие позицию интеллектуалов. Для французского философа Ж. Деррида университетская автономия — это возможность произвести такой временной разрыв, который удержит интеллектуальную мысль от суеты окружающего мира: «“Время рефлексии” — это значит, что внутренний ритм университетского механизма относительно независим от социального времени, отсрочивает неотложность заказа, обеспечивает большой и драгоценный люфт. Пространство удачи, шанса» [11, с. 98].

То есть быть интеллектуалом и быть академическим человеком часто означает находиться в общем пространстве идентичности. Исторически ареалом обитания интеллектуалов были монастыри и религиозные школы, затем университеты, потом академии, и только с появлением прессы интеллектуалы получили широкую известность как выразители общественного мнения и эксперты. Не следует упускать из виду свободных от каких-либо структур интеллектуалов эпохи Возрождения, чьи личные амбиции и талант позволяли использовать систему аристократического патронажа для монополизации функции символического производства⁵. Классическая эпоха, когда формировались системы европейских

⁵ Как отмечает российская исследовательница истории литературной профессии в Англии Л. Алябьева: «В период с 1500 по 1630 год производство книг выросло от 45 до 460 наименований в год. Вместе с тем жить на доходы от литературного труда было практически невозможно, поэтому писателям приходилось прибегать к помощи патрона. Посвятив свое произведение знатному человеку, автор мог рассчитывать на получение дополнительных 2–3-х фунтов» [1, с. 76–78].

национальных государств,⁶ вписала большинство интеллектуалов в институциональные рамки публичной политики и призрачной популярности бульварной прессы. Между тем интеллектуалы нуждались в собственном плацдарме, куда всегда можно отступить в случае усиления давления власти или медиа. Таким укрытием стала научная и преподавательская деятельность, ведущаяся в университетах, которые, несмотря на все исторические перипетии, до последнего времени сохраняли фундаментальные принципы коллегиального управления и свободы мышления. Безусловно, национальная специфика накладывала свой отпечаток на генезис интеллектуалов. И если во Франции символический капитал накапливался преимущественно в публичной сфере — через обращение к политическим и общественным проблемам⁷, то, например, немецкие интеллектуалы, как минимум с гумбольдтовской программы, оказались надолго затянуты в тесный мундир прусской бюрократии. В США, казалось, переплелись французская и немецкая академические традиции: с одной стороны, университеты стали мощными исследовательскими центрами, реализуя немецкий

⁶ Исследователь классической немецкой академической системы Ф. Рингер так описывает симбиоз монархии и интеллектуальной элиты: «Монарх-реформатор спешит развивать сотрудничество с самыми просвещенными своими подданными ради взаимной пользы. Он предлагает финансовую поддержку высшим учебным заведениям и дает официальную санкцию на еще более полную доскональную систему экзаменов на право быть государственным служащим. Университетские преподаватели, контролирующие всю систему квалификационных стандартов, ощущают подъем своего престижа и авторитета — равно как и образованные люди в целом» [23, с. 12–13]. «В 1794 году наконец было опубликовано Прусское гражданское уложение. Школы и университеты, гласило уложение, являются государственными институтами и могут быть учреждены только с официального разрешения. Университетам гарантировалось право управлять собственными сугубо академическими делами в соответствии с особой корпоративной хартией; однако общий надзор и контроль над высшим образованием, равно как и финансирование, оставались за государством» [23, с. 30–31].

⁷ Вследствие централизации интеллектуальной жизни во Франции наблюдалась гораздо большая близость и даже взаимодействие между университетским и литературным полями. А ведь фигура «интеллектуала возможна лишь при совмещении в одном человеке атрибутов, относящихся к обоим этим полям. Речь идет о претензиях на научность, свойственных университетской среде, и о свободе критики, свойственной писателю; о нравственном влиянии на публику (студентов) и о способности создавать общественное мнение; о символической коллективной солидарности (как в литературном сообществе) и о корпоративной солидарности (как в университете)» [30, с. 49–50].

принцип объединения функций производства и передачи знаний, а с другой — университетские профессионалы приняли роль критиков сложившейся политической и экономической системы, опираясь на авторитет академического пространства⁸. Помимо этого, будучи правительственными консультантами, университеты втягивались в поле политики и становились источником аналитических кадров [35]. Отдельно следует подчеркнуть: критическая позиция значительной части гуманитарного университетского сообщества США функциональна, так как обеспечивает общественную жизнь свежими идеями и обозначает болевые точки системы. И даже покинувшие университетские стены американские интеллектуалы не прерывают связи с академическим миром — недаром публичные лекции перед университетской аудиторией являются обязательной практикой любого общественного и политического деятеля.

В России связь академической автономии и способа бытования интеллектуалов не столь очевидна, прерывиста и, кажется, только недавно стала осознаваться самим университетским миром⁹. Очевидно, в XIX веке роль университетов в зарождении независимого общественного мнения и группы отчужденных интеллектуалов была крайне высока. Те, кого принято называть «разночинцами», а затем интеллигенцией, возникли в недрах университетской культуры, которая, несмотря на серьезное бюрократическое давление в николаевскую эпоху, содержала ген независимого мышления [32, 33]. Впрочем, в

⁸ Н.С. Ладыжец пишет об этом: «Американская университетская культура сформировалась на стыке всех уже существовавших европейских традиций... Следует выделить три волны влияния европейской образовательной культуры на американскую. Первая волна охватывает реформационный период, когда доминирует модель протестантского колледжа, располагающего университетской привилегией присуждения ученой степени бакалавра. Ориентация на гумбольдтовскую модель предполагала большое внимание к приращению естественнонаучного знания, не связанного с прикладными областями. Идея практического университета была принципиально американской. Она предполагала практическую ценность образования для выпускника университета и ориентации всех видов университетской деятельности на нужды общества» [18, с. 137–139].

⁹ Кулакова И.П. отмечает, что уже с самого своего основания в середине XVIII века «Московский университет представляет собой порождение европейской университетской идеи, и полноценность университета гарантировалась академической свободой корпорации. Университет в Москве неуклонно двигался в сторону полноценной академической корпоративности. Говоря о корпоративном сознании, нельзя не затронуть вопрос о пространственной обособленности университета: его территория не случайно обносила оградой с воротами и караулом на входе» [17, с. 258].

середине XIX в. университеты еще не были готовы абсорбировать критический настрой российских интеллектуалов-«разночинцев», а поэтому большинство из них были вытеснены на пространство журналистской и литературной деятельности¹⁰. И здесь академическая автономия не играла существенной роли. Только на рубеже XIX–XX вв. университетские деятели стали проявляться на поле публичной политики. Например, Конституционно-демократическую партию («кадеты») называли «профессорской» из-за заметной роли в ее структурах преподавателей университетов¹¹. Почему университетский мир стал источником кадров российских интеллектуалов? Конечно, образовательный капитал и навык ведения устной дискуссии здесь сыграл свою роль. Не менее важным стало наличие у преподавателей университета опыта пребывания в сообществе, наделенном правами пусть и ограниченной, но автономии. Говоря современным языком, у них имелся навык социального действия в условиях гражданского общества. Именно поэтому университетские преподаватели и члены Академии были активными участниками разнообразных научных и профессиональных обществ, которые можно рассматривать как форму гражданской активности в условиях самодержавия [7, 34].

Революция и последующая реконструкция образовательной системы резко сократили пространство академической автономии и университетских свобод. Система высшего образования должна была стать кузницей «трудовой интеллигенции» — технически подготовленных специалистов, лояльных марксистско-ленинской идеологической доктрине¹². В этих условиях идеалы и ценности академических

¹⁰ Вот как описывает вытеснение Н. Чернышевского из академической среды в журналистскую И. Паперно: *«Первоначальные надежды Чернышевского сделать академическую карьеру (в Петербургском университете) провалились уже на первом этапе — с защитой его магистерской диссертации. Защита и публикация диссертации были отложены почти на два года, и еще три года прошло до официального присвоения степени. Эта задержка, по-видимому, была следствием замешательства и раздражения, которое вызвал в университетских кругах воинственный тон диссертации и ее радикальные материалистические тенденции»* [21, с. 146–148].

¹¹ В связи с этим один из лидеров кадетской партии А.В. Тыркова-Вильямс вспоминала: *«Молодежи у нас почти не было, многие кадетские профессора пользовались исключительной популярностью, но студенты в профессорскую партию не шли. Только в немногих высших школах были студенческие кадетские группы. Студенту надо было иметь и мужества, чтобы в студенческой среде проповедовать кадетизм. Для молодежи мы были слишком умеренны...»* [25, с. 388–415].

¹² Поэтому разрушение старой университетской культуры находилось в русле масштабной «культурной революции», предусматривавшей создание *«новой, народной, социалистической интеллигенции»* (В.И. Ленин), которая, с

свобод были отринуты. Университеты стали объектами жесткого административного прессинга — система комсомольских и партийных организаций надзирала за жизнью университетского сообщества. Кроме того, в 1930-е годы было окончательно оформлено разделение системы высшего образования и Академии наук. Именно Академия наук смогла сохранить достаточный объем автономии, функционально оправданной необходимостью ведения научного поиска без мелочного идеологического надзора. Конечно, репрессивные кампании время от времени сотрясали ее стены (против ученых-генетиков в 1940-е годы, против социологов на рубеже 1960–1970-х гг. [5]), но принцип выборности руководства и апелляция к оборонной значимости ведущихся исследований позволили академическим структурам довольно успешно сопротивляться принципу «партийности в науке»¹³. Поэтому академические институты стали прибежищем многих инакомыслящих. Фактически советская Академия наук выстроила собственную идентичность как сообщество «мандаринов», средневековый профессиональный цех с изощренной системой традиций, норм, правил и ценностей¹⁴.

Перестройка открыла новые возможности для конвертации накопленного в академических стенах символического капитала в ресурс общественной деятельности. Интеллектуалы, подвизавшиеся в эпоху застоя на подготовке закрытых аналитических записок и ведущие «кухонные беседы» о настоящем и будущем советской экономики и общества, смогли, наконец, обрести статус публичных политиков и медийных экспертов. Сотрудники академических институтов (Институт США и Канады, Институт экономики, Институт биологии развития, Институт проблем управления, Центральный экономико-математический институт и др.) становились известными публицистами, народными

одной стороны, была «функционально необходима для того, чтобы крутились колеса современной государственной или промышленной машины», а с другой — была «готовой служить народам СССР верой и правдой» (И.В. Сталин) [10, с. 118–119].

¹³ Например, А.Д. Сахарова так и не удалось лишить звания академика, несмотря на серьезное давление, оказываемое на научное сообщество.

¹⁴ Об этом процессе Г.С. Батыгин пишет: «Формирование обособленного слоя советских интеллектуалов связано с сословной организацией советского общества периода сталинизма. Революция 1930-х годов заключалась в перемещении социальной базы коммунистического режима на профессионально-управленческий слой. В конце 30-х годов институты Академии наук, университеты, творческие союзы, редакции и издательства представляли собой официальные учреждения, органы партийно-государственного управления. В то же время они обладали собственными интересами, стремились к автономии и усилению влияния на центральную власть» [3].

депутатами, высшими правительственными чиновниками¹⁵. С завершением перестройки в 1991 г. большинство из них вернулось в академическое пространство.

Распад советской системы и экономический коллапс вынудили децентрализовать контроль над образовательной системой, что способствовало ренессансу дискурса об уникальной университетской культуре. Старейшие университеты активно обращались к своей истории, называя себя «классическими». Новые университеты также подхватили лозунги особости университетской среды, используя их для легитимации своей организационной обособленности. Летом 1992 года был создан Российский союз ректоров, среди базовых целей которого провозглашалась и такая: «...сохранение и развитие традиций и базовых принципов отечественной системы образования — качества, доступности, академических свобод» [26]. Риторика об академической автономии и университетских свободах вполне успешно подкреплялась расширением самоуправления вузов как хозяйствующих субъектов.

А что же интеллектуалы? Престиж профессии ученого резко снизился — она утратила былые преимущества: в советское время это было одним из редких занятий, где относительно свободный график работы сочетался с хорошим уровнем оплаты труда¹⁶. Когда государственные зарплаты в вузах и академических институтах упали до смехотворно низкого уровня, их сотрудники начали искать альтернативные стратегии выживания¹⁷. В долгосрочной перспективе выиграли те, кто смог сочетать занятость и карьеру в государственном академическом учреждении с дополнительной занятостью, связанной с

¹⁵ Например, академик Л.И. Абалкин в 1989–1991 гг. был заместителем Председателя Совета Министров СССР.

¹⁶ Даже некоторые отраслевые научно-исследовательские институты предоставляли своим сотрудникам относительную свободу распоряжаться своим временем. Вот что вспоминает модельер и сотрудник Всесоюзного института ассортимента изделий легкой промышленности и культуры одежды И. Андреева: «В ВИАлегпроме обнаружили и некоторые приятные преимущества по сравнению со “службой” в обычном советском учреждении. Здесь художники-модельеры имели один свободный день в неделю и два раза по десять свободных в год помимо положенного отпуска. Это называлось “творческие дни” и “творческие декадни”» [2, с. 248–249].

¹⁷ Г.С. Батыгин пишет об этом: «В 2000 г. официальная зарплата “бюджетного” научного сотрудника и преподавателя составляла 30–100 долларов в месяц, но доходы превышали величину зарплаты в несколько раз. Московские университеты и исследовательские институты находились в более благоприятном положении, но и в регионах система науки и образования адаптировалась к рынку разными способами» [4].

символическим производством¹⁸. Представители академической профессии выбирали между несколькими направлениями, на главных из них мы остановимся детальнее.

Во-первых, в ряде случаев открывалась перспектива интеграции в международные исследовательские сети — либо через участие в совместных проектах, либо через стажировку и обучение за рубежом. Например, многие региональные социологи труда и организаций на постоянной основе сотрудничали с Институтом сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО), научным руководителем которого был британский социолог Саймон Кларк¹⁹. Члены сети ИСИТО продолжали оставаться на преподавательских и исследовательских должностях и в государственных вузах. Фонд Сороса и ряд других международных фондов, начавших свою деятельность в России в середине 1990-х годов, дал возможность стажировок и получения иностранных грантов представителям гуманитарных наук²⁰. В

¹⁸ В 1994 г., когда эти процессы стали очевидны, Г.С. Батыгин и И.Ф. Девятко писали: *«Процесс демократизации разрушил традиционные институциональные нормы академической деятельности, а также критерии успеха. Вертикальная мобильность в науке, как правило, не связана с профессиональными достижениями и прилежанием. Большое значение имеет способность заинтересовать политические инстанции и получить “наблизити” в средствах массовой информации»* [5, с. 200].

¹⁹ Вот что рассказывает С. Кларк о деятельности ИСИТО в одном из своих интервью: *«Мы с моими русскими коллегами основали ИСИТО с тем, чтобы обеспечить институциональные рамки для наших совместных исследований, а также наделить нас некой коллективной идентичностью... Мне кажется, можно выделить несколько отличительных черт нашего института. Во-первых, особое внимание в наших исследованиях всегда уделялось изучению и пониманию российской специфики, а не попыткам навязать заимствованные у западных авторов модели для анализа российской реальности. Во-вторых, мы неизменно старались проводить наши исследования в соответствии с самыми высокими международными стандартами. С этой целью мы пытались гарантировать такие условия, в которых все наши сотрудники имели бы возможность повышать квалификацию в самых передовых центрах преподавания социологии в России, принимать участие в самых важных конференциях и семинарах. Кроме того, все сотрудники, занимающие руководящие позиции в нашем институте, прошли стажировку в западных университетах»* [13, с. 8].

²⁰ Вот что об этом пишет Г.С. Батыгин: *«Если ограничить наше суждение областью социальных наук, численность научных сотрудников и преподавателей, получивших в той или иной форме поддержку западных фондов и университетов с 1994 по 1999 гг., составляет 500–700 человек. Почти все они молодые исследователи, активно владеющие по крайней мере одним из европейских языков. Этот сегмент грантовой*

большинстве своем гранты и стажировки носили профессиональный академический характер, хотя включали и элемент социальной значимости — содействие развитию демократии, гражданского общества, свободной прессы, защита прав меньшинств и т. д. То есть подобные стажировки и гранты стимулировали членов академического сообщества занимать не только профессиональную, но и гражданскую позицию, способствуя формированию их как медийных интеллектуалов. Академическая автономия служила залогом соблюдения свободы исследований и ограничивала вмешательство вузовской бюрократии в научную деятельность²¹. Можно предположить, что те, кто прошел через систему зарубежных грантов и стажировок, оставаясь в профессиональной роли академического человека, в конце концов, смогли аккумулировать значительные объемы социального и символического капитала, позволившие им занять доминирующие позиции в научном поле уже к середине первого десятилетия 2000-х²². Это была во всех отношениях выигрышная стратегия. Многие из выбравших данный

поддержки локализован скорее языковой, чем профессиональной компетентностью» [4].

²¹ Г.С. Батыгин, вовлеченный в работу международных фондов в России 1990-х годов, отмечал: «Ориентация на общественное положение и ориентация на индивидуальное вознаграждение разграничиваются вполне отчетливо. Такого рода границу можно угадать, например, в заметном отсутствии академических руководителей и заведующих кафедрами в индивидуальных конкурсах фонда Культурная инициатива (так назывался фонд Сороса до 1997 г.). В списках доминировали младшие научные сотрудники и преподаватели, которых хотя и считали умными в своих учреждениях, но, что называется, держали за печкой, т. е. не давали работать. Им не хватало, как говорится, общественного положения. Финансированные фондом зарубежные стажировки позволили десяткам молодых обществоведов буквально вырваться из административных “зон”. Именно для них была создана мощная система своеобразных шлюзов, позволяющая подняться на более высокий уровень если не статусной иерархии, то интеллектуального престижа» [4].

²² Описывая современное академическое сообщество России, С. Кордонский саркастически характеризует способы строительства научной репутации: «Основной формой деятельности в гуманитарной сфере в сословном мироустройстве является цитирование признанных и тривиальных результатов. Именно поэтому обязательным для обществоведов в СССР были ссылки на труды классиков марксизма-ленинизма, а основным критерием научной работы было соответствие базовым мифам. Точно так же для современных российских обществоведов обязательными стали знание английского языка, цитирование “классиков мировой науки”, ссылки на свежие иностранные публикации и — вершина творческих достижений — публикации за рубежом и участие в международных научных мероприятиях» [16, с. 149–150].

путь оказались востребованы и как медийные фигуры, и как организаторы науки.

Во-вторых, представители социальных и гуманитарных наук оказались востребованными в качестве политических консультантов и тренеров на предвыборных кампаниях разного уровня²³. В Москве сложилась целая когорта профессиональных политических менеджеров, у многих из которых было академическое прошлое (от незавершенной аспирантуры до наличия ученых степеней и опыта работы в академических учреждениях). А.Ю. Согомонов назвал эту среду тусобществом, поскольку ее институциональные границы размыты из-за неопределенности нормативных правил пребывания в подобном сообществе²⁴. Эта нормативная неопределенность контрастирует с довольно четкими профессиональными правилами, принятыми, например, в академическом мире. В сегменте политического консалтинга были созданы условия для появления медийных интеллектуалов, обслуживающих различные политические интересы. Оказалась востребованной функция «эксперта»²⁵, предоставляющего СМИ свои комментарии, оценки и прогнозы относительно текущей социально-экономической и политической ситуации²⁶. Авторитет эксперта опирался на инсайдерскую информированность, включенность в политико-государственное «тусобщество» и, в

²³ Известный российский социолог, участник сети ИСИТО В.И. Ильин вспоминает, как в последние перестроечные годы он с коллегами в Сыктывкаре занимался тем, что в 1990-е годы стало называться «политконсалтингом»: *«Наш социологический кооператив “Диалог” проводил исследования и консультировал некоторых демократически настроенных кандидатов в народные депутаты. В силу разных причин наши клиенты были удачливы: трое прошли в народные депутаты, один даже стал министром СССР. Но советника не получилось ни из меня, ни из моих коллег. Да, в период предвыборной кампании мы проводили опросы, наблюдения, глубокие интервью, на моей кухне или кафедре писали и обсуждали программы и тексты листовок»*. [12, с. 7].

²⁴ А.Ю. Согомонов пишет: *«Право “на вход” и право “на выход” принципиально отличает актуальные профессиональные объединения от тех, что существовали в проекте “простой” современности. Лишь по чисто внешнему облику они могут считаться в чем-то схожими, но, по существу, сегодня мы имеем дело исключительно с симулякрами (подобиями) профессиональных сообществ. И главное их постсоветское качество как раз заключено в принципиальной невозможности внутрикорпоративной организации и эффективного влияния “цеха” на поведение профессионала через формирование и культивирование норм и ценностей (корпоративной) профэтики»* [24, с. 172–173].

²⁵ В середине 1990-х появился термин «экспертное сообщество», обозначающий неоднородную массу интеллектуалов, связанных с медийным полем.

²⁶ О когнитивных аспектах экспертного знания см.: [15, 36, 39].

не меньшей степени, обладание академическим статусом. В первой половине 2000-х функция политического эксперта кристаллизовалась, например, в деятельности Фонда эффективной политики (ФЭП), с которым связаны и многие интеллектуалы, не оставившие занятость в академическом пространстве.

И в первом, и во втором случаях академическая автономия становится последним бастионом для интеллектуалов, отправившихся в опасное путешествие по волнам медийной известности. Если что-то не получится — можно вернуться в университет, под сень академической автономии.

Идеалы академической автономии поднимаются интеллектуалами на щит всякий раз, когда есть ощущение угрозы пространству, на котором происходит аккумуляция исходного символического капитала — то есть сфере базовой профессиональной деятельности. Поэтому рефлексия о сути, необходимости, границах, слабостях и преимуществах академической автономии занимает не только тех, кто в своих исследовательских интересах фокусируется на университетском мире как объекте изучения. Эта рефлексия служит способом обретения и поддержания социальной и профессиональной идентичности, поскольку образует академическую доксу — устойчивый дискурс об уникальности академического пространства. Впрочем, общественная и политическая роль интеллектуалов в настоящее время преувеличена, поскольку с появлением новых средств коммуникации публичная сфера «стала менее формализованной, а существующие в ней социальные роли — менее дифференцированными» [29, с. 5]. З. Бауман уверен, что государство не стало препятствовать росту культурной и академической автономии интеллектуалов, как только осознало отсутствие реальной угрозы с их стороны²⁷.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алябьева Л.* Литературная профессия в Англии в XVI–XIX. М.: НЛО, 2004.
2. *Андреева И.* Частная жизнь при социализме: Отчет советского обывателя. М.: НЛО, 2009.

²⁷ «Провозгласив “законодательную” функцию интеллектуалов недействительной, государство Нового времени отменило все основания подвергать дискурс интеллектуалов политическому контролю либо любой иной регламентации или ограничению извне. Оказавшись в перигее своей политической значимости, интеллектуалы Нового времени пользуются такой свободой мысли и слова, какая им и не снилась, пока слово в политике что-то значило. За пределами самозамкнутого мирка интеллектуального дискурса их независимость не имеет никаких практических последствий; и все же это самая настоящая независимость, самая ценная и возжеланная компенсация за выселение из дома власти» [6, с. 5–20]. См. также: [19].

3. *Батыгин Г.С.* Властители дум: миссия интеллектуалов и реформирование социальных наук в России [online]. Дата обращения: 15.09.2010. URL: <<http://club.fom.ru/182/179/81/155/431/183/185/library.html>>.
4. *Батыгин Г.С.* Невидимая граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России (заметки эксперта) [online]. Дата обращения: 15.09.2010. URL: <<http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/SCIOLOG/GRANTYOU.HTM>>.
5. *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Социология и власть: эпизоды советской истории / Тоталитаризм и посттоталитаризм (Статьи и подготовленные материалы). Кн. 2. М.: Институт социологии РАН, 1994.
6. *Бауман З.* Законодатели и толкователи: культура как идеология интеллектуалов // Неприкосновенный запас. 2003. № 1 (27). С. 5–20.
7. *Бредли Дж.* Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77–89.
8. *Бурдые П.* Поле науки // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии. Алетейя, 2007.
9. *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 707–736.
10. *Вшиневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.
11. *Деррида Ж.* Университет глазами его питомцев // Отечественные записки. 2003. № 6. С. 96–103.
12. *Ильин В.И.* Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006.
13. Интервью с профессором Саймоном Кларком (Интервью провел В. Козловский, пер. с англ. А. Хохловой) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 3. С. 5–19.
14. *Кант И.* Спор факультетов. Калининград: КГУ, 2002.
15. *Кожанов А.А.* Анализ экспертного знания и социальной роли эксперта как автономная предметная область современных социальных исследований науки // Социологические этюды: сборник статей аспирантов. Вып. 1. М.: Вариант, ИС РАН, 2006. С. 293–305.
16. *Кордонский С.Г.* Сословная структура постсоветской России. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2008.
17. *Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М.: Новый хронограф, 2006.
18. *Ладыжец Н.С.* Философия и практика университетского образования. Учебник. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2004.
19. *Любарский Г.* Предательство клерков: Бауман, Фуко (Жюльен Бенуа — за скобками) // Социальная реальность. 2007. № 1. С. 94–106.
20. *Манхейм К.* Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 7–261.
21. *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М.: НЛО, 1996.

22. *Парсонс Т., Сторер Н.* Научная дисциплина и дифференциация науки // Научная деятельность: Структура и институты. М.: Прогресс, 1980. С. 25–55.
23. *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. М.: НЛО, 2008.
24. *Согомонов А.Ю.* Генеалогия Успеха и Неудач. М.: Солтэкс при участии ООО «Невский простор», 2005.
25. *Тыркова-Вильямс А.В.* На путях к свободе. 2-е изд. Лондон, 1990.
26. Устав Общероссийской общественной организации «Российский Союз ректоров» [online]. Дата обращения: 15.09.2010. URL: <http://sr-nso.nstu.ru/pologenie/ustav_rsr/>.
27. Федеральный закон Российской Федерации № 125 от 22 августа 1996 г. «О высшем и послевузовском профессиональном образовании».
28. *Фуко М.* Политическая функция интеллектуала // Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2002. С. 201–209.
29. *Хабермас Ю.* Первым почуть важное: что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. 2006. № 3 (47). С. 4–12.
30. *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М.: Новое издательство, 2005.
31. *Шумпетер Й.А.* Капитализм, Социализм и Демократия: Пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995.
32. *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 г. М.: Наука, 1976.
33. *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М.: Наука, 1993.
34. *Bradley J.* Voluntary associations in Tsarist Russia: science, patriotism and civil society. Harvard, 2009.
35. *Chomsky N.* American power and the New Mandarins. New York, 1967.
36. *Collins H.* Interactional expertise as a third kind of knowledge // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2004. No. 3. P. 125–143.
37. *Golgman H.* From Social Theory to Sociology of Knowledge and Back: Karl Mannheim and the Sociology of Intellectual Knowledge Production // Sociological Theory. 1994 (Nov.). Vol. 12. No. 3. P. 266–278.
38. *Parson T., Platt G.* The American University. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1973.
39. *Turner S.* What is the Problem with Experts? // Social Studies of Science, 2001. Vol. 31. No. 1 (February). P. 123–149.